

Обновленный Сенат

Реформе Сената Петр I уделял огромное внимание. Только «Должность Сената» – инструкцию, определявшую полномочия, структуру и делопроизводство учреждения, он переписывал шесть раз! Смысл идеи Петра I был предельно прост и вытекал из идеализации им коллегиального начала в управлении. Он намеревался создать своеобразную суперколлегию – коллегию коллегий. Сенаторами должны были стать президенты коллегий, которые сами бы составили в сенатском присутствии коллегию. По его мысли, такое устройство Сената гарантировало государство от всевозможных злоупотреблений, позволило заменять его, самодержца, у руля власти на время отсутствия. Высокое положение Сената не снимало с него ответственности, он был полностью подконтролен и подотчетен государю. Петр I отменил старую практику подчинения губерний Сенату. Теперь, после коллежской реформы, губернаторы должны были подчиняться коллегиям, то есть с децентрализацией военных времен было покончено. Новая схема государственного устройства выглядела таким образом: Сенат – коллегии – губернии – уезды. Сенат был высшим правительственным органом, облеченным доверием государя и одновременно сохранявшим за собой функцию высшего апелля-

ционного судебного органа.

Заметки на полях

Гуляя вдоль здания Двенадцати коллегий, любознательный турист начинает считать, сколько же было коллегий? При создании коллегий число их менялось не раз. Они сливались, разъединялись, переводились в канцелярии (т. е. понижались в статусе), создавались новые. Но их разом никогда не было двенадцать, хотя знаменитое сооружение архитектора Доменико Трезини в Петербурге и называется «зданием Двенадцати коллегий». Дело в том, что первоначально, при планировании здания, кроме девяти утвержденных царем коллегий в нем предполагалось разместить еще Правительствующий Сенат, Священный Синод, а также должна была существовать общая Аудиенц-камера для приемов и торжественных действий. Таким образом, здание состояло из двенадцати частей, что и определило его название, известное всем.

План Петра I создать высший доверенный орган власти коллежского типа, состоящий из президентов коллегий, не удался. Довольно скоро оказалось, что президенты не были в состоянии заниматься и делами своих коллегий, и делами Сената. Поэтому в 1722 году царь был вынужден отказаться от своей идеи, хотя сам принцип коллегиальности при обсуждении дел в Сенате он сохранил. В существовании Сената Петр I видел тот смысл, что он должен был получать из местного и центрального аппарата дела спорные, требующие высшего арбитража, согласования между ведомствами и – это самое главное – дела, не имевшие для своего решения точной юридической нормы. И только если Сенат не мог решить дело, оно поступало на стол государя, высшего законодателя, главного судьи, верховного правителя. Так должны были сепарироваться государственные дела.

При этом Петр I не был настолько наивен, чтобы полагать, что вся государственная система продержится только на иерархичности структуры и принципе коллегиальности. Опыт научил царя не доверять своим чиновникам. Поэтому в систему коллегий и Сената он закладывал контрольную, независимую службу – генерал-прокуратуру. Залог ее успешной работы Петр I видел в строгой регламентации ее деятельности и в независимости от Сената. Генерал-прокурор являлся вершиной пирамиды прокуратуры: у него был заместитель – обер-прокурор, а также подчиненные ему прокуроры во всех коллегиях и судебных органах. Все компрометирующие государственных чиновников материалы через систему прокуратуры должны были, не останавливаясь на промежуточных звеньях, подниматься вверх. Генерал-прокурору также подчинялись официальные тайные доносчики – фискалы, сидев-

шие на всех уровнях управления, благодаря чему генерал-прокурор был в курсе тайных махинаций чиновников. Генерал-прокурор мог опротестовать и приостановить решение любого правительственного органа, включая и Сенат. Он же имел право непосредственного доклада Петру, что резко повышало значение самого института надзора.

Систему контроля за судопроизводством Петр придумал в 1722 году. Тогда он утвердил при Сенате должность генерал-рекетмейстера, который собирал как жалобы подданных на волокиту в разборе их дел, так и жалобы «в неправом решении», то есть в нарушении законов в Юстиц-коллегии. Жалобы на низшие суды не принимались: челобитчик должен был дойти до Юстиц-коллегии через все необходимые инстанции снизу вверх. Генерал-рекетмейстер также имел право доклада царю. Само собой разумеется, что созданные институты прокуратуры и рекетмейстера имели свои конторы и делопроизводство.

Павел Иванович Ягужинский.

Наконец, еще одним «уровнем» защиты государственных учреждений от должностных преступлений, наряду с прокуратурой и

рекетмейстерством, стал институт фискальства, то есть состоящих на службе государства доносчиков. Он существовал с 1711 года, но лишь в 1723 году Петр перестроил весь институт государственных доносчиков, установив иерархию фискалитета: провинциал-фискалы, фискалы центральных учреждений и судов, обер-фискал и, наконец, генерал-фискал со своей Фискальской конторой и прямым подчинением генерал-прокурору.

Действующие лица

Генерал-прокурор Павел Ягужинский

Он родился в Польше в 1683 году в семье органиста, переехавшего в Москву и служившего в кирхе Немецкой слободы. Был взят в денщики Петром и со временем превратился в капитана гвардии, исполнителя многих поручений Петра I. Для этого у Ягужинского были все данные: аналитический ум, знание нескольких языков, красивая внешность, легкость в общении с людьми, умение в них разбираться, недюжинные организаторские способности. При этом Ягужинский – человек веселый, симпатичный, обаятельный – был своим в семье царя; не раз ему доверяли личные дела царя и Екатерины. А еще он всегда был истинной душой компании: галантный кавалер, остроумный рассказчик, неумолимый танцор, обаятельный собутыльник. Неслучайно в 1718 году Петр I сделал его маршалом учрежденных ассамблей. В 1718 году начинается и серьезная государственная карьера Ягужинского. Царь поручил ему следить за ходом начатой тогда государственной реформы. Наконец, в 1722 году Петр I назначил Ягужинского на невиданную ранее должность генерал-прокурора, главного контролера империи. За всю свою карьеру он ни разу не подвел государя, неизменно пользуясь царским доверием и став одним из влиятельнейших сановников Петра I. Сила его заключалась не в близости к царю (были люди, стоявшие к государю и поближе), а в том, что Ягужинский был честным и неподкупным человеком. Поэтому он казался опасной белой вороной в толпе высокопоставленных воров и воришек у трона. Недостатки Ягужинского были естественным продолжением несомненных достоинств Павла Ивановича. Он был человеком прямым, вспыльчивым и неуживчивым. Часто (а к концу жизни – почти всегда) он, нетрезвый, громогласный и решительный, не выбирал выражений и никого не щадил. Это как раз нравилось Петру I, но страшно злило других «птенцов гнезда Петрова», которые могли похвастаться многим, но только не честностью и неподкупностью. Неудивительно, что как только Петр Великий умер, Меншиков и другие сановники, оказавшиеся у власти при Екатерине I, постарались задвинуть Ягужинского подалее, отправив его послом в Берлин.

В последние годы жизни Ягужинского штоф с водкой стал главным утешителем и товарищем бывшего генерал-прокурора, а характер его испортился окончательно. Он стал вздорен и неуживчив, часто скандалил при дворе, ввязываясь во все конфликты. И когда весной 1736 года Ягужинский умер, многие вздохнули с облегчением – уже никто публично не мог обозвать их ворами и ничтожествами.